

Д.М. ХРЕНКОВ

(Продолжение. Начало в номерах за 12, 13 и 16 июня)

Можно привести другие примеры, свидетельствующие об интересе к творчеству Ахматовой других партийных товарищей.

А. Коллонтай вовсе не составляла исключения. Вот что писала из Афганистана Ахматовой другая пламенная революционерка Л. Рейснер: «Вы — радость, содержание и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебываясь грязью, умирал от горя...».

Не следует в излишне идиллических тонах рассказывать об отношении к Ахматовой со стороны всех читателей.

Вспомним, что первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции были периодом разгула Пролеткульта, а пролеткультовцы видели в Ахматовой только противника, а не союзника.

В 1922 году председатель ЦК Пролеткульта В. Ф. Плетнев опубликовал в «Правде» статью, в которой говорил о том, что пролетарская культура не имеет ничего общего с культурой буржуазной. «Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, — писал он, — классовое сознание пролетариата останется чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту».

Прочитав эту статью, Ленин (он тогда находился в Горках) испещрил ее замечаниями и тотчас послал вырезку редактору «Правды» Бухарину.

«Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду», — писал Владимир Ильич. — Ну зачем печатать глупости под видом важничавшего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева? Ответил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться».

Известно, что Ленин не раз подвергал серьезнейшей критике всех, кто хотел строить новую Россию, отгородясь от того, что было выработано поколениями русских ученых, писателей, художников. Не случайно в резолюции, принятой в 1922 году XII Всероссийской партийной конференцией, которая была написана при самом непосредственном участии Ленина, снова и снова подчеркивалась необходимость внимательного и заинтересованного подхода к «беспартийным элементам из среды представителей техники, науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота».

Вряд ли Ахматова знала, каких трудов лениндовцам стоило сохранить в плане выпуска литературы ее книгу. Перед кем только не приходилось держать ответ, какие молнии не блистали над нашими головами! Но мы выстояли и шли к Ахматовой с чистым сердцем.

У нас было только одно условие. Мысль, продиктовавшая его, окрепла особенно после того, как в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в 1965 году наконец выпустили сборник избранных стихов Ахматовой с прекрасным названием «Бег времени». Нужно ли было Лениндовцам хоть в малой мере повторять это издание? Мы подумали: хорошо бы лучше стихи издать вместе с прозой.

Проза Ахматовой?

Снова буря недоумений, сомнений, упреков. Снова нас пытались предостеречь или вовсе запретить книгу. «Стихи — еще куда ни шло, — рассуждали недоброжелатели. — Но откуда взяться прозе?»

И для самой Ахматовой наше предложение было неожиданным. В конце концов она согласилась. Но я и раз, и другой писал ей, желая получить ее письменное согласие. Я по-прежнему почти каждое воскресенье ездил в Комарово, но письма так и не получил. Наконец пришла маленькая записочка: на крошечном листке бумаги Ахматова написала состав будущей книги.

Но и она выставила свои условия: прозаическую часть книги должна готовить известный литературовед и старая приятельница Анны Андреевны Э. Г. Герштейн, поэтическую — Л. К. Чуковская. У нас возражений не было. Работа началась.

Только сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается. Э. Г. Герштейн выполнила свою работу безупречно, а вот в поэтическом разделе начались осложнения, которые никто из нас ни понять, ни предусмотреть не мог. Дело в том, что из «Бега времени» ленинградский горлит по одному ему известным соображениям снял довольно много стихов. Это обидело книгу. Естественно, что Л. К. Чуковская хотела, чтобы эти стихи появились в нашем сборнике. Но не тут-то было. Снова начались наши хождения по инстанциям,

снова мы выслушивали разного рода «указания». То, что удавалось спасти в одном месте, начисто зачеркивалось в другом. А время шло. Книга несколько раз переверстывалась. Борьба продолжалась. Но в ту пору она была неравной. Этого не могла понять Л. К. Чуковская. Сперва она не соглашалась на сокращения. А потом тучи сгустились над ее собственной головой: она была вдруг исключена из Союза писателей. В те годы, когда литературой правил не разум, а прихоть, такие случаи были нередки. Мы смогли Л. К. Чуковскую отблагодарить за работу, но лишились и ее помощи, и вступительной статьи к сборнику Корнея Ивановича Чуковского, которая так была нужна в те времена. Пришлось издательскому редактору Б. Г. Друянну взять на себя подготовку поэтической части книги.

Сегодня даже трудно представить, как дорого все это обошлось нам — издателям и читателям. Ведь книгу Ахматовой ждали. Она должна была выйти небывалым доселе тиражом и могла бы новые сотни тысяч читателей познакомиться с творчеством поэта, которого годами у нас не издавали.

Конечно, легко сегодня обвинять и Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», и Лениндат за то, что нам не удалось в полной мере отстоять интересы авторов и читателей. Но можно ли не считаться со временем и его жестокими законами? Семь лет ушло у нас на то, чтобы книга наконец вышла, а когда это произошло, случился настоящий бум. За томиком Ахматовой охотились не только у нас в стране. По указанию Госкомиздата мы тотчас начали печатать второй тираж (еще 150 тысяч экземпляров), который в основном пошел за границу и существовавшим образом сорвал расчеты разного рода антисоветских издателей и пропагандистов.

Почему я вспоминаю об этом?

Сегодня, когда в стране утверждается гласность, нужно отчетливо представлять обстановку застоя, возможности автора, издательства, а также чиновников, которые не сомневались в том, что лишь они знают, что такое хорошо и что такое плохо. Только в этом случае можно хоть в малой мере представить себе, в каких условиях выходили в свет иные книги. Может быть, и тогда многие понимали, что велась политика на изоляцию Ахматовой от читателя. Сделать мы могли мало. И это малое состояло прежде всего в том, чтобы, несмотря на все препоны, донести до читателя творчество Ахматовой, дать почувствовать, что поэт, подвергавшийся хуле и беззаконию, оставался тем не менее русским, советским человеком, никогда не терял локтевой связи со своими согражданами.

Конечно, каждый случай с задержкой выпуска книг Ахматовой, стремление как можно больше оскотить их, чаще всего тотчас становились известными на Западе, вызвали буйное ликование наших недругов: ведь они получали дополнительные фактики для того, чтобы вылить лишнее ведро грязи на нашу страну. Анна Андреевна отчетливо это представляла. Многим своим зарубежным критикам, а также тем, кто пытался выразить ей сочувствие, Ахматова считала необходимым дать соответствующую отповедь — и сразу после революции, и потом. Впрочем, этим ей приходилось заниматься всю жизнь. Еще в 1922 году она сказала о себе: «И в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас».

Свою жизнь она прожила гордо и по правде. И это — самое важное, что определяло ее гражданскую и литературную позицию.

Недаром во многих ее стихах, особенно написанных после Великой Отечественной войны, так много полемик, так резко звучит отповедь людям, хотевшим прикнуться ее друзьями. Вспомним хотя бы стихотворение «Родная земля»:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький соч она не бережит,
Не кажется обетованным паем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хвораю, бедствуя, немощствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на налогах,
Да, для нас это хоуст на зубках.
И мы мелем, и месим, и горшим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и стачоимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Словно бы отвечая сразу всем, кто готов был рыдать над горькой ее судьбой, кто помнил ее обиды, но не хотел видеть, с какой беззаветной любовью служила она своему народу, Ахматова писала уже прозой:

«И если Поэзии суждено цвести в 20-м веке именно на моей Родине, я смею сказать, всегда была радостной и достоверной свидетельницей... И я уверена, что еще и сейчас мы не до конца знаем, каким волшебным хором поэтов мы обладаем, что русский язык молод и гибок, что мы еще совсем недавно пишем стихи, что мы их любим и верим им». Зная это, мы и пойдем по дорогам Ахматовой, многие из которых были ленинградскими.

В ЦГАЛИ хранится написанный собственноручно Ахматовой листок с ее петербургскими, петроградскими и ленинградскими адресами. В первой строке значится: Казанская, 4/2. Потом он мелькнет еще раз, но относится к нему следует как к случайной гостинице.